

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Возможности трансформации в России и концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста

Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня

В статье рассматриваются проблемы срывов институциональной модернизации в современной России с привлечением концепций Эйзенштадта и Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Автор приходит к выводу о необходимости дополнения концепции Норта и его коллег положениями о пороговых условиях перехода для общества.

Ключевые слова: модернизация, институционализм, трансформация, Норт–Уоллис–Вайнгаст, элита, общество и модернизация.

The article considers the problems of disruption of institutional modernization in modern Russia with the help of concepts Eisenstadt and North–Wallis–Weingast. Author comes to a conclusion on necessity of addition of the concept of the North and his colleagues with provisions on threshold conditions of transition for society.

Keywords: modernization, institutionalism, transformation, North–Wallis–Weingast, the elite, society and modernization.

Теория оказалась проста,
как оно и должно быть.
Но реальность невероятно сложна,
и всегда есть опасность
не заметить эту сложность.

М. Олсон

Обозначенная с 2000-х гг. тенденция ревизии курса на реформирование экономики и общества, хотя и сопровождающаяся “модернизационной” риторикой, стимулирует и философов, и социологов, и экономистов искать причины такого хода событий. Ведь и раньше отечественная история развивалась в русле сменяющих друг друга циклов реформ и контрреформ. Но сегодня в глобальном и быстро прогрессирующем мире за задержки в развитии страна может заплатить гораздо большую, чем раньше, цену.

В поисках причин сложившейся ситуации исследователи все чаще обращаются к институциональной теории, например видят причины многих проблем в “зависимости от предшествующего развития” (*path dependence*), заставляющей отказаться от стандартных рецептов модернизации экономики и общества и искать свой “особый путь”, который строился бы с учетом традиционных национальных ценностей. Од-

нако, как уже было показано (см., например, [Вишневыский, 1998; Плискевич, 1999]), индустриальное преобразование отечественной экономики с опорой на такие ценности уже было проведено в советский период. Причем такой, уже пройденный нами путь принес не только создание мощной индустрии, но и незавершенность сопровождающих ее процессов в социальной, политической, культурной областях. А это, в свою очередь, привело к созданию таких напряжений внутри советского социально-экономического организма, которых в итоге страна не выдержала, и прорвавшиеся противоречия вылились в революционное крушение советского строя. Этап реформ, начавшийся в 1992 г., по сути, должен был иметь своей целью не только рыночные и демократические преобразования, но и преодоление дефектов индустриального этапа модернизации, осуществленного по мобилизационному образцу, пренебрегшему соответствующим развитием социокультурного компонента, более того – сознательно угнетавшему его при опоре на господствующие в тот период ценности традиционализма.

По сути, когда мы сегодня говорим о подлинной модернизации, а не просто о модернизации технологической, инструментальной, то имеем в виду переход от одного типа общественного устройства к другому. Можно сказать, что целью являются те общественные порядки, которые установились как в развитых государствах Запада, так и в передовых странах Востока, успешно воспринявших многие западные институты, не утратив при этом своей национальной самобытности. Этот тип государства в последних работах Д. Норта и его коллег назван “зрелым государством” с присущими ему “порядками открытого доступа” [Nort, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт... 2012].

Специфика же того типа государства, которое предстоит модернизировать, в их терминах характеризуется как “естественное государство”, обладающее “порядками ограниченного доступа”. Впрочем, этот тип общества и государства описывался неоднократно под разными названиями. О нем шла речь при описании и “неоэтакратизма” (О. Шкарата), и “раздаточной экономики” (О. Бессонова), и “Х-матрицы” (С. Кирдина), и “государственно-центричной матрицы” (М. Каваросси, Т. Ворожейкина), и “власти-собственности” (Л. Васильев, Р. Нуреев), и “властесобственности” (Ю. Пивоваров) и др. Я более склоняюсь к определению, введенному Васильевым, как достаточно точному для описания сути процессов, протекающих в российском обществе, где отношения собственности производны от встроения во властную иерархию.

Накопленный к настоящему времени опыт многих стран так называемого догоняющего развития свидетельствует, что при всех национальных особенностях, которыми, разумеется, не следует пренебрегать, есть в то же время целый ряд общих принципов, которых необходимо придерживаться, если действительно имеется желание модернизировать экономику и общество в целом в соответствии с императивами уже нового, постиндустриального, общества. При этом важно, что и картина неудач, срывов модернизации в различных странах при всех индивидуальных особенностях развития также содержит и общие черты.

Поэтому модернизационный процесс, основанный лишь на ускоренном экономическом росте, быстром заимствовании техники и технологий, разработанных в передовых странах, даже при уделении внимания таким компонентам социальной модернизации, как рост образовательного уровня населения и качественное улучшение медицинского обслуживания, рано или поздно упирается в тупик. Недомодернизированные общественные отношения, традиционалистские ценности большинства населения, нередко удобные для властей, а потому сознательно ими поддерживаемые, входят в противоречие с инструментальными и технологическими новациями. Они начинают тормозить развитие, сводя на нет успехи, достигнутые в ходе первичного модернизационного рывка. Результатом такой ситуации становится накопление социальных напряжений, и необходимость выхода из сложившейся ситуации ставит перед обществом и государством сложные проблемы¹.

¹ С этих позиций интересна вышедшая на русском языке книга китайских ученых, руководимых профессором Хо Чуаньци, “Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001–2010)” (ответственный редактор русского издания – член-корреспондент РАН Н. Лапин) [Обзорный... 2011]. Авторы книги воспринимают модернизацию как важнейшую цель государства, можно сказать, как национальную идею. Однако, по сути, они

Значительная их часть обусловлена “нестыковками” вновь внедряемых институтов, доказавших свою эффективность в странах-образцах, с институциональной средой стран-реципиентов, вступивших на путь модернизации и стремящихся ускорить этот процесс за счет заимствования институтов. По сути, Россия столкнулась с этим в 1990-е гг., когда оказалось, что многие новые институты в наших условиях работают не так, как предполагалось. Примеров здесь можно привести множество. Так, принятый в начале реформ закон о банкротстве, призванный реализовывать принцип ответственности частного собственника за свои хозяйственные решения, сначала просто не работал, а затем в новой редакции стал орудием, используемым при рейдерских захватах предприятий. Или другой пример: работа трехсторонних комиссий по согласованию интересов работодателей и работников, где государство должно было играть роль третьей стороны, в 1990-е гг. превратилась в площадку, на которой объединившиеся представители работодателей и работников единым фронтом пытались выторговать те или иные льготы у государства.

Все это происходило отнюдь не потому, что институциональным проблемам правительство реформаторов не уделяло внимания. Например, В. Мау отмечал, что, по его мнению, проблемы начального этапа преобразований 1990-х гг. упрощенно трактуются как западными аналитиками, так и отечественными критиками российских реформ. В качестве примера такой упрощенной трактовки он приводил бытующие в работах его оппонентов утверждения, что российские реформаторы игнорировали институциональные проблемы, будучи увлеченными финансовой политикой: “Это несправедливо, основное внимание на первых этапах реформ уделялось как раз институциональным проблемам, а макроэкономическая стабилизация являлась вторичной по отношению к ним. Просто те институты, которые должна была создавать Россия, оказывались вне поля зрения западных экспертов. Прежде всего надо было воссоздавать денежную систему и границы, налоги и бюджетное право, силовые структуры и институт собственности. Все эти базовые институты или рухнули с распадом СССР, или просто не существовали в России по политическим или идеологическим причинам. А уже на этой основе можно было идти дальше, разрабатывая современное экономическое и социальное законодательство” [Экономика... 2008, с. 31].

По сути, однако, это свидетельство Мау подтверждает то, что реформаторы концентрировали свои усилия на внедрении в разлагающуюся советскую институциональную структуру блоков новых рыночных институтов, без наличия которых переход к экономике, работающей по новым принципам, невозможен. Но как вскоре выяснилось, в нашей ситуации простого заимствования институтов не достаточно, чтобы система начала работать в соответствии с задуманным².

Взгляд из прошлого

Это для наших реформаторов стало неприятной неожиданностью, хотя данное явление отнюдь не ново. Его отметили ученые еще в 1960-х гг., анализируя резуль-

акцентируют внимание исключительно на ее инструментальных компонентах, на создании условий для ускоренного экономического роста, на поддержке государством позиций Китая в международной конкуренции. В то же время в докладах даже не ставится вопрос о необходимости глубоких институциональных изменений в стране. Возможно, доходящие сегодня до нас сведения о социальных протестах во многих областях страны – свидетельство того, что Китай подходит к границе, за которой нарастающие социальные напряжения становятся опасными.

² Нередко при характеристике институциональных преобразований стран, выходящих из социализма, особо подчеркивается, что “в них полностью отсутствовали институты как экономической, так и политической конкуренции” [Макаренко, 2012, с. 84]. Думается, однако, это не точно. Прежде всего надо помнить, что конкуренция существует в любом обществе как имманентное свойство составляющих его индивидов. Просто формы ее могут быть различны. И внутри институтов общества “реального социализма” имелись разнообразные формы конкуренции, формально не предусмотренные. Действительно, институты, призванные обслуживать комплекс легальных конкурентных отношений как в экономике (рынок), так и в политике (демократия), системой “реального социализма” не предусматривались. И их надо было срочно создавать. Вместе с тем вся ткань этой системы была пронизана сетью нелегальных конкурентных отношений, связанных со сферой “теневого экономики”, которая на излете социализма стала мощной силой, равно как и с системой “бюрократического торга”, опосредовавшего принятие решений в структурах плановой экономики. Кроме того, внутри институтов “реального социализма” существовали и иные формы неформальных конкурентных отношений, “подправлявших” неповоротливость жестких официальных конструкций. В ситуации перехода к легальным рыночным и демократическим отношениям весь этот укоренившийся комплекс неформальных отношений, норм, правил создал дополнительные проблемы, “накладываясь” на работу вновь создаваемых институтов, внося в нее дополнительные искажения.

таты модернизационных процессов в странах, освободившихся от колониальной зависимости. С данной точки зрения, для понимания нашей ситуации особый интерес представляют работы Ш. Эйзенштадта. В центре его внимания оказались процессы, протекавшие в молодых независимых государствах, чье руководство было искренне ориентировано на модернизацию общества в соответствии с принципами передовых государств. Но их намерения натолкнулись на ряд объективных трудностей. Оказалось, что попытки внедрения современных институтов, диктуемые соображениями рациональности, наталкиваются на культурные ориентации и ценности, воплощенные в традициях, религиозном или мистическом опыте. А усиление “качественных характеристик современности” воспринималось населением как процесс, равнозначный упадку традиций [Eisenstadt, 1966].

Особый интерес в рамках рассматриваемой темы представляет статья Эйзенштадта “Срывы модернизации”, написанная в 1965 г. В ней он задался вопросом: почему “многие институты, оформившиеся в начальный период модернизации, сегодня распались и прекратили работать, уступив место менее сложным и, как правило, более авторитарным политическим режимам” [Эйзенштадт, 2010, с. 43]. Он отмечает, что молодые государства, приступившие к модернизации, встали перед проблемой: следовало поддерживать устойчивый экономический рост и одновременно проводить последовательные изменения в основных институциональных областях, развивать новую институциональную структуру, которая помогла бы справиться с неизбежными вызовами этапа реформирования без существенных провалов. Но именно здесь их ждало разочарование: даже при успехах в экономическом росте и, соответственно, улучшении социально-демографических показателей они не смогли выстроить жизнеспособную институциональную структуру. Все это свидетельствовало “не столько о полном отсутствии модернизационного импульса или же неудачном старте модернизации, сколько о надломе некоторых (в основном политических) современных институтов, даже если... такие надломы произошли на ранних фазах обновления” [Эйзенштадт, 2010, с. 45–46].

Ведь начало преобразований означало нарушение привычного *status quo* и для “верхов”, и для “низов”, появились “выигравшие” и “проигравшие”, что с неизбежностью порождало нескончаемую цепь конфликтов, усугубление противоречий, всплеск страстей, а отсюда – желание приостановить преобразования, приспособить уже сделанное к привычному укладу. И модернизационный порыв в таких случаях оканчивался “крахом относительно дифференцированной и осовремененной институциональной основы, заменой ее более примитивными институтами или вступлением страны в порочный круг провалов и срывов, зачастую влекущий за собой институциональную стагнацию и неустойчивость, а также системную угрозу способности вбирать в себя новые веяния” [Эйзенштадт, 2010, с. 46].

К рассуждениям Эйзенштадта стоит добавить уточнение, сделанное современными исследователями. Так, И. Бусыгина и М. Филиппов, проанализировавшие современную литературу по проблемам политической модернизации государства, отмечают, что основным тормозом реформ обычно становятся не “проигравшие” от них, а “ранние победители”, выигравшие в результате частичных реформ. Их устраивает ситуация половинчатости реформ, “поскольку именно она позволяет им продолжать удерживать свои позиции и получать различные виды ренты как от государства, так и от общества” [Бусыгина, Филиппов, 2012, с. 39].

Такие ситуации характеризуются Эйзенштадтом как патологические срывы модернизации. Оказавшиеся в подобной ситуации государства преследует череда неудач и провалов, с одной стороны, подрывающая их стабильность, а с другой – блокирующая процессы естественного формирования институциональной основы современного общества. При этом нарастанию конфликтов, типичных для модернизирующегося общества, не соответствовали имеющиеся в нем механизмы их разрешения: “...новые ценностные ориентиры, воплощения которых желали многие граждане этих обществ, требовали относительно высокого уровня согласования действий индивидов” [Эйзен-

штадт, 2010, с. 49]. Но власть так и не выстроила необходимую для этого сеть институтов.

Однако и оппозиция оказалась не способной дать ответ на вызовы модернизации. История протестных движений в подобных странах подводила к выводу, что “значительной части этих движений не хватало предрасположенности к инкорпорированию или вписыванию в более широкие институциональные рамки... а также не доставало умения адаптироваться к внешним регуляторам. Этот дефект социальных движений часто сопровождался неспособностью властных институтов абсорбировать протестные символы и ценности, введя их в собственную институциональную среду” [Эйзенштадт, 2010, с. 50–51].

Эйзенштадт полагает, что государства, вставшие на путь модернизации, страдают отнюдь не от того, что диапазон их усилий слишком узок. Напротив, заявленные преобразования могут быть достаточно широки и кардинальны. Но, начиная их, реформаторы всюду сталкиваются с отсутствием механизмов, способных “решать проблемы, возникающие по мере расширяющегося и углубляющегося соприкосновения различных групп между собой”. И суть проблемы он видит в “медленном становлении новых институтов и нехватке регулирующих и нормативных механизмов, которые внедрялись бы в стратегические области общественной структуры и позволяли бы справиться с различными вызовами, возникающими в этих областях” [Эйзенштадт, 2010, с. 56].

При этом медленное становление новых институтов, равно как и блокировка старых, одним из важнейших результатов имеют то, что население оказывается один на один с новыми, ранее не знакомыми проблемами в ситуации, когда нет понятных способов их разрешения. И естественным поведением людей, пытающихся адаптироваться к новым условиям, становится расширяющийся патернализм, желание переложить решение своих проблем на кого-то “сильного”, прежде всего на государство. В первую очередь такой тип поведения присущ, по мнению Эйзенштадта, традиционалистским низам города и деревни, которым свойственно пассивное отношение к внешней социальной среде. И тут же “следует упомянуть и ригидность этих слоев в трактовке общества в целом, а также своего места в нем в частности”. В итоге такое отношение приводило к «консервации “традиционных” разновидностей общественных отношений, то есть к патерналистскому оформлению индустриального контекста и взаимодействия с представителями власти... к неготовности принимать на себя ответственность или инициативу в новых условиях, к общей пассивности и сужению интересов» [Эйзенштадт, 2010, с. 58]³. Одновременно с этим выделялись группы, стремившиеся получить для себя от происходящих перемен как можно больше преимуществ, доходов, иных предпочтений в ущерб интересам иных общественных групп.

В результате формировались, по выражению Эйзенштадта, “ложные предпосылки”: «...новая среда не генерировала некоторые важнейшие условия их эффективной деятельности. В результате они весьма часто обнаруживали характеристики... “уклоняющихся сообществ”: объяснений, ориентированных не на достижение провозглашенных целей, будь то экономический рост, социальное развитие и так далее, а поддержание выгодного статуса и привычной позиции внутри существующей системы» [Эйзенштадт, 2010, с. 60].

Столь длинный пересказ ряда тезисов Эйзенштадта понадобился для того, чтобы показать: симптоматика болезней современного российского общества, казалось бы, твердо вставшего на путь реформирования еще 20 лет назад, отнюдь не оригинальна.

³ Подчеркну, что Эйзенштадт, как и многие другие исследователи того периода (вспомним, например, К. Поппера и Ф. Хайека) проводил четкое различие между “традицией” и “традиционализмом”. Если с традицией связывались процессы внутренней динамики обществ, открывавшие пути к развитию, то традиционализм выступает как негативная реакция на вторжение сил современности [Eisenstadt, 1966]. То есть в отличие от традиционализма, связанного с социальным консерватизмом, в любом обществе существуют и такие традиции, которые открывают путь к развитию рационалистических и либеральных тенденций. А. Гофман отмечал: “Традиции и инновации сегодня образуют неразрывное единство: они превращаются друг в друга и не могут существовать друг без друга” [Гофман, 2008, с. 27].

Она достаточно похоже описана еще в 1960-е гг. Это описание позволяет объяснить и важнейшие ценностные предпочтения людей, уже на современном этапе оказавшихся в ситуации модернизационного слома, когда на вроде устоявшуюся, пусть и небогатую, даже убогую жизнь вдруг обрушиваются непредвиденные трудности. Причем трудности не только непредвиденные, но и непривычные, не знакомые по прежнему образу жизни.

Представляется вполне естественным, что оказавшись в подобных условиях, люди в массе своей на передний план выдвинули “ценности выживания”. Как отметил Р. Инглхарт, проанализировавший ценностную структуру большинства стран мира, во всех постсоциалистических странах эти ценности заняли ведущее место, причем они там проявлялись ярче, нежели в странах, существенно более бедных. В России же роль “ценностей выживания” оказалась более значительной, нежели почти во всех странах, проходящих постсоциалистическую трансформацию [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Кроме того, сопровождаемые начало модернизационной ломки конфликты, распри в “верхах”, неразбериха в “низах”, равно как и дефицит “консенсуса в представлениях о том, что нужно в первую очередь” [Эйзенштадт, 2010, с. 47], очень скоро порождают в обществе острую потребность в скорейшем “наведении порядка”, в стабилизации ситуации.

На этот аспект проблемы обратил особое внимание М. Олсон, тем более что он давал яркий пример жизненности его теории “стационарного бандита”. Перед своей внезапной кончиной в 1998 г. он работал над книгой, в которой давал свое объяснение препятствиям, возникшим на пути постсоциалистических преобразований прежде всего в государствах, созданных на развалинах бывшего СССР [Olson, 2000; Олсон, 2012]. С его точки зрения, ошибочно было бы искать причины неудач реформ, ставшие очевидными к середине 1990-х гг., в продолжающемся воздействии наследия советского государства как антирыночной силы. Причины он видел в низком качестве постсоветского государства, не справляющегося со своими основными функциями. Среди таких он выделял поддержание жесткого правового порядка, равного для всех и являющегося гарантией безопасности личности и неприкосновенности прав собственности. То есть и здесь корень зла ученый видит в несовершенстве государственных институтов, делающих его не способным осуществлять должным образом свои базовые обязанности. Такая слабость государства естественно порождает желание разнообразных групп воспользоваться ситуацией в своих интересах.

Однако, соглашаясь в целом с представлениями Олсона о деятельности распределительных коалиций в условиях слабого государства, хотелось бы уточнить, что в наших условиях мы все же имеем дело с государством особого типа, что, по сути, усугубляет возникшие трудности. Прежде всего важно, что в государствах советского типа господствовали иные принципы поддержания стабильности и порядка, более близкие не к западным, а к восточным образцам, где в основу взаимоотношений в обществе положены иерархические принципы властной вертикали, жестко контролирующей все стороны жизни подданных, которые, в частности, в своих притязаниях на ту или иную собственность либо полностью, либо в существенной мере зависят от власти (так называемая система “власти-собственности”). Эта система уже в позднесоветский период начала разлагаться, деформироваться, стали появляться группы особых интересов, стремящиеся проводить собственную политику, отличную от той, что предписывалась официальной верхушкой иерархии, или искажали последнюю, подчиняя ее своим интересам. С распадом СССР страна оказалась в положении, когда старые институты были разрушены, а новые еще только предстояло создать. Сам силовой компонент государственного аппарата не был способен обеспечить должный правопорядок.

К тому же в том, что касалось отношений собственности, ситуация постсоветской трансформации оказалась еще более запутанной и сложной, нежели в период постколониальных преобразований. В советской системе отношения собственности были закамуфлированы. Истинный собственник – партия-государство (КПСС) – отнюдь не

стремилась формально-юридически закрепить свои права. Официально господствовал эвфемизм “общенародная (государственная) собственность”, хотя все рычаги владения, распоряжения и использования ее были именно у партии-государства как особого типа конструкции, предназначенной для монопольного владения богатствами страны (подробнее см. [Плискевич, 2006]). При этом элита, именуемая “номенклатурой”, формально не имела никаких прав на эту собственность, что делало ее представителей особенно агрессивными при распаде системы⁴. Крушение КПСС означало одновременно и то, что собственность, именуемая государственной, *de facto* оказывалась на какой-то период без хозяина, с одной стороны, ибо для создания новых институтов, способных обеспечить функции государства как эффективного собственника, требовалось время, а с другой – появились множество людей, и ранее связанных с управлением ею, и не причастных к этому процессу, стремящихся реализовать открывшиеся возможности по овладению теми или иными объектами собственности.

Таким образом, распад одного типа государства и медленное становление институтов другого, приходящего ему на смену, с неизбежностью создавали феномен слабого государства, в котором на первый план выступала деятельность разнообразных распределительных коалиций. Этот феномен неоднократно подвергался анализу Олсоном, и в нем он увидел важнейшую проблему развития постсоветских стран, прежде всего России, в 1990-х гг.⁵ Этот феномен противоречит правилам, по которым функционируют развитые государства, отличающиеся не только прозрачностью законодательства, защитой прав индивидов, ясностью стимулов их деятельности, но и побуждением индивидов “к взаимодействию между собой социально эффективным образом” [Олсон, 2012, с. 28]. Выведенный же Олсоном “закон динамики обществ советского типа состоит в том, что с течением времени они не только приходят в упадок, но и становятся все более коррумпированными” [Олсон, 2012, с. 167]. В ситуации распада такого общества на первых этапах замена ослабленных авторитарных процедур демократическими (которые, кстати, нередко превращаются в псевдодемократические) чревата усилением борьбы кланов за дележ “рентного пирога”. При этом, с одной стороны, “доля” населения в данном дележе снижается по сравнению с ситуацией авторитаризма (“стационарного бандита”). С другой же стороны, такой акцент на дележе рентных доходов становится тормозом экономического роста. Как, в частности, показали В. Полтерович и В. Попов, демократия как стимул экономического роста эффективна лишь при условии сильного государства с устоявшимися работающими институтами защиты прав личности и собственности. В противном случае неопределенность, неизбежно возникающая при слабости институтов, тормозит экономический рост [Полтерович, Попов, 2007].

Все это создает серьезные препятствия для подлинной модернизации и общества, и экономики. Общим итогом даже искренних модернизационных попыток, констатировал еще Эйзенштадт, становится “откат политических режимов к менее развитому и не слишком гибкому типу политической и социальной дифференциации”, хотя эти режимы сохраняют в той или иной степени “символы, цели и антураж современности”. Эта противоречивая ситуация еще в 1960-е гг. порождала два варианта выхода:

⁴ Причем возможности для перехвата прав собственности у разных отрядов номенклатуры были различны. В наиболее выгодной ситуации оказывалась хозяйственная номенклатура, непосредственно управлявшая производственными активами. Тут возможности сохранения своих позиций во многом зависели от способности адаптироваться к работе в рыночных условиях. В худшем положении оказалась силовая и идеологическая номенклатура, чьи успехи во встраивании в новую систему во многом зависели от качества их “социального капитала”, нужных связей, позволяющих создать альянс с представителями хозяйственной номенклатуры или выдвигенцами новой власти. Можно выделить еще одну специфическую группу – “привилегированных рентополучателей” старого режима. Как правило, это силовики разных ведомств, не достигшие к началу реформ номенклатурных чинов и должностей. С крушением старого государства они вдруг оказались на обочине, но при этом с четкой психологической установкой, что они “отдали себя Родине, а теперь Родина им должна”. Многие представители этой группы, особенно на втором десятилетии реформ, активно включились в процессы передела собственности, нередко инициируя рейдерские захваты.

⁵ Данный феномен исследовался и российскими учеными (см., например, [Макашева, Якобсон, 1996]).

“институционализацию относительно современной системы, не слишком, вероятно, дифференцированной, но все же способной абсорбировать новые веяния и тем самым обеспечивать какой-то экономический рост. Другой вариант предполагает развитие стагнирующих режимов, почти не способных на изменение внешней среды, которые, однако, могут существовать довольно долго. Иногда, впрочем, их уделом становится порочный круг недовольства, охранительства и насилия” [Эйзенштадт, 2010, с.67].

Но современная наука, учитывая многие попытки неудачных модернизаций, поставила вопрос: а возможен ли вообще переход обществ в состояние развитых не только в инструментальном, технологическом, но и в полноценном социальном смысле? И в каких условиях это возможно? В этом плане особый интерес вызвали в последние годы работы Д. Норта, Д. Уоллиса, С. Узба и Б. Вайнгаста.

Возможен ли переход?

В современном мире стало очевидно, что процветающим обществам присущи особые порядки самоорганизации, выработавшиеся ими в течение не одного столетия. В результате они достигли высокого уровня экономического развития и, что особенно важно, создали наиболее благоприятные условия для инновационной деятельности. Именно оттуда распространяются по миру технические и технологические новинки, стимулирующие дальнейший экономический рост. Проблема остального мира состоит не только в том, что в этой инновационной гонке он оказывается в роли догоняющего, но прежде всего в том, что уровень жизни населения там все ощутимее отстает от лидеров. А в условиях информационной открытости такая ситуация чревата серьезными социальными проблемами внутри страны.

В отличие от господствующих в экономическом мейнстриме представлений о поступательном развитии экономики и общества Норт исходит из того, что современный мир – мир “неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся” [Норт, 2010, с. 7]. В основе идущих изменений лежит сознательная деятельность людей, стремящихся “добиться результатов, снижающих неопределенность”, в соответствии с их представлениями о последствиях таких действий.

Источником же подобных представлений являются “ментальные конструкторы, основанные на опыте, как современном, так и историческом”. А потому “культура не только определяет эффективность общества в данный момент времени, но также посредством того, как выстроенные в ней структуры создают сдержки для игроков, вносит свой вклад в процесс изменений” [Норт, 2010, с. 8, 9]. Во всей совокупности социокультурных особенностей эволюции различных стран Норт в качестве ключевой выделил проблему насилия. В зависимости от того, каким образом она решается обществом, формируется та или иная институциональная среда, оказывающая определяющее воздействие на развитие страны, ее способность к восприятию и производству инноваций.

Вторая половина XX в. дала ряд примеров того, как отдельные страны смогли преодолеть институциональный барьер и перейти на траекторию развития успешных государств. То есть, в формулировках Норта и его коллег, перейти от состояния “естественного государства” с присущими ему “порядками ограниченного доступа” к “зрелому государству”, институциональная структура которого характеризуется как “порядки открытого доступа”. В то же время такой переход, при всей очевидности его благоприятного влияния на улучшение положения как страны в целом (ибо он открывает путь к ряду конкурентных возможностей в глобальной экономике), так и ее граждан (и элиты, и тех, кто в нее не входят), оказался доступен лишь единицам. “Неспособность большинства обществ осуществить этот переход – даже когда путь к открытому доступу открыт для них историческим опытом других обществ – говорит о том, что проблема лежит глубже, чем желание элит поделиться своей властью” [Норт,

Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 322]. В своем историко-экономическом анализе причин такого положения Норт и его коллеги выдвинули идею о трех необходимых *пороговых условиях* перехода к современному обществу с порядками открытого доступа. Это:

– “принцип верховенства права для элит”, то есть равенства всех граждан перед законом;

– “постоянно существующие формы общественных и частных организаций, включая само государство”, то есть построение институциональной структуры организации общества, не зависящей от персональных качеств личностей, возглавляющих те или иные институты (требование институциональной обезличенности);

– “консолидированный политический контроль над вооруженными силами”, точнее – над всеми силовыми структурами государства [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 76].

В то же время ученые подчеркивают, что сами по себе “пороговые условия являются необходимыми, но недостаточными условиями перехода от естественного государства к порядку открытого доступа. Государства, подходящие к пороговым условиям, могут иметь стимулы для расширения числа граждан, защищенных институтами верховенства права, но сами по себе правовые условия не гарантируют успешности перехода. Государства, стоящие на пороге перехода, могут оказаться не способными совершить переход или даже вернуться к естественному государству” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 322]. По сути, это выраженная другими словами констатация того, что ранее было названо Эйзенштадтом “срывами модернизации”. И об одном из таких срывов сегодня мы, очевидно, можем говорить, вспоминая о нашей собственной истории двадцатилетней давности.

Если обратиться к этому времени, то, например, А. Яковлев полагает, что в советский период страна обладала уже зрелой системой порядков ограниченного доступа как необходимой стартовой позицией для начала трансформации в порядки открытого доступа. Однако важнейшим элементом этой системы, в какой-то мере символизирующим ее ограниченность, была господствующая идеология. «Поэтому утрата идеологической основы режима (а ее размывание началось задолго до реального крушения СССР) привела к размыванию и разрушению тех институтов, которые ранее обеспечивали более широкий доступ к общественным благам и поддерживали возможности “социального лифта”. Эти институты приобретали все более формальный характер. Реальное же функционирование все более определялось фактором личных связей, что подрывало систему обезличенных взаимодействий» [Яковлев, 2012^a, с. 165].

К выводам Яковлева важно добавить, что утрата идеологической основы режима была далеко не случайна. Ибо внешне пропагандируя коллективистские ценности, а на деле подменяя их требованием постоянных жертв во имя “общегосударственных целей”, власти подменили подлинный коллективизм псевдоколлективизмом, который не мог в итоге не вырождаться в агрессивный адаптационный индивидуализм (см., например, [Дилигенский, 1997]). В этой ситуации естественным был переход к приоритетности личностных связей, к “экономике бюрократического торга” и т. п. Но эти же процессы поставили свои препятствия на пути подлинной модернизации отечественных общественных порядков, начала перехода страны к порядкам открытого доступа. Ибо, по Норту, общество созревает для преобразований, “когда к элитам приходит понимание: их привилегии будут лучше защищены от внутриэлитной борьбы, если эти привилегии определяются именно как всеобщие права, а не личные прерогативы. До тех пор, пока способность формировать организации остается привилегией, доступ не является открытым” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 324].

В то же время представляется, что данное условие, хотя и необходимо, но явно не достаточно. Здесь ограниченность видится в том, что Норт и его коллеги считают важнейшими процессы, протекающие внутри элиты, точнее – элиты властной, имеющей возможности и средства применения насилия. Это естественно, если их рассматривать сквозь призму установления порядков в обществе на основе насилия, в котором ключевую роль действительно играют властные элиты, а также представления о том,

что изменения – результат сознательной деятельности прежде всего тех, кто в силу своего элитного положения способен формулировать и реализовывать преобразования. Основная же часть населения играет пассивную роль, подчиняясь тем или иным лидерам, воспринимая как естественное состояние персоналистский патернализм.

Однако в современном мире, особенно в странах, уже прошедших этап индустриальной модернизации, где большинство людей проживают в городах, роль основной массы населения представляется не столь однозначной. Норт, объясняя ситуацию, в которой элиты решаются на преобразования, подчеркивает, что для нее они должны быть не столь болезненными, ибо открытый доступ “не требует всеобщего доступа; не требует он и уничтожения любых привилегий; он требует лишь того, чтобы достаточно большой процент населения имел возможность по своей воле создавать политические, экономические и другие организации. Расширение элитных прав на все большие группы населения ускоряется после того, как внедряется и закрепляется само понятие о гражданских правах. Как только права гражданства получают безличное определение, логика открытого доступа начинает внушать мысль о том, что эти права в условиях более широкой политической и экономической конкуренции будут обеспечивать куда проще” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 325].

Думается, что такое представление о пассивности большинства населения при исключительной активности элит, несколько некорректно, особенно для анализа современной ситуации, прежде всего в обществах, прошедших этап индустриальной модернизации. Ведь в современном глобальном мире огромное число людей уже имеют представление о существовании значительного спектра и гражданских, и политических, и экономических прав. При этом они нередко считают несправедливым не только собственное положение, но и привилегии элитных групп. А в ситуации, когда власть по каким-то причинам представляется многим нелегитимной⁶, это может дать толчок социальным потрясениям. Хотя, согласимся с Нортом, результатом таких потрясений скорее всего станет не начало перехода к порядкам открытого доступа, а установление нового варианта персоналистского режима с порядками ограниченного доступа.

Если элиты “запаздывают” по сравнению с обществом, инициируемые “снизу” социальные преобразования, как правило, оказываются неподготовленными. В результате происходит разбалансирование действующих институтов. И даже если они уже носили во многом обезличенный характер, возникающие проблемы толкают и массы людей, и возглавляющих их лидеров на путь решения этих проблем привычным способом, пусть первоначально они выступали за глубокие изменения. В таких случаях и в ситуации подготовленности общества к введению порядков открытого доступа может произойти откат от уже завоеванных позиций, так как естественная реакция на рост насилия внутри еще действующих порядков ограниченного доступа – “создать соглашения, которые несут еще более персональный характер, более тесно соотноси согласования, которые связывают между собой влиятельных индивидов, с рентами, существованию которых угрожают насилие и отсутствие координации внутри коалиции” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 43–44].

Таким образом, с позиций Норта и его коллег, главный фактор перехода к новым социальным порядкам все же находится во внутриэлитных отношениях. Поэтому его рецепты для обществ, стремящихся к такому переходу, направлены на максимально возможную подготовку к нему элит в рамках совершенствования порядков ограниченного доступа. Это предполагает: 1) выстраивание между коалициями, способными на насилие, отношений, сводящих к минимуму возможности его применения; 2) наращивание областей, в которых успешно реализуются принципы применения права при решении спорных проблем вне зависимости от статуса обратившихся к нему лиц;

⁶ В наши дни уже вряд ли имеет смысл говорить о легитимности власти “от Бога”. Власть же “от народа” даже при привычности псевдодемократических выборов может потерять легитимность как при ставших слишком явными и вызвавшими всеобщее возмущение нарушениях выборных процедур, так и при разрушении искусственных идеологических конструкций, которыми режим подкрепляется (как это было при крушении стран “реального социализма”).

3) повышение качества обеспечения государством гарантий соблюдения договоренностей и соглашений между отдельными организациями. Для населения же ключевыми критериями вызревания порядков ограниченного доступа выступают: снижение насилия, предсказуемость в сфере правоприменения, а также уменьшение имущественного неравенства, рост доходов и расширение возможностей участия в политических процессах (см. [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 13–15])⁷.

В такой конструкции населению отводится пассивная роль. Его активность проявляется лишь как отражение борьбы элитных кланов за передел сфер влияния. Возможно поэтому Норт и его коллеги не принимают аргументов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона о роли влияния масс на элиты, заставляющего их уступать свои привилегии и делиться властью [Acemoglu, Robinson, 2006; Асемоглу, Робинсон, 2011]. Норт и его коллеги полагают, что реформы, предпринимавшиеся в истории разных стран под давлением “снизу”, проходили также под воздействием внутриэлитных противостояний. Их использовали победители вновь складывавшихся элитных коалиций, а основные социальные преобразования оставались неразрешенными, если внутри элит не произошли изменения, которые подвели их к осознанию необходимости принятия вышеуказанных пороговых условий [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 408–410].

Однако представляется, что в современном мире точнее было бы рассуждать не только о готовности элит к преодолению “пороговых условий”, но и о степени востребованности массами реальных действий, направленных к этому преодолению. И если наиболее активными слоями общества требования перехода к новым социальным порядкам воспринимаются более интенсивно, нежели элитными группами, такая ситуация чревата социальными рисками. Более того, при половинчатости проведенных реформ, когда “перехватившие” выгоды от первых этапов их проведения части властной элиты всячески пытаются “подморозить” ситуацию, выход может быть только в расширении участия граждан в политическом процессе. Напротив, «чем более “изолирован” от общества процесс принятия политических решений, тем большую власть получают те, кто стремятся заморозить состояние частичных реформ во имя максимизации преимуществ своего привилегированного статуса» [Бусыгина, Филиппов, 2012, с. 39].

Концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста выстроена на анализе многих веков “письменной истории человечества”, в ходе которой проходила медленная эволюция от одних порядков к другим. Но современная ситуация вносит в этот процесс существенные коррективы. Особенно это касается стран, завершивших этап индустриального и соответствующего ему урбанизационного развития. Сам факт перехода к индустриальной стадии развития предполагает появление у “масс” новых качеств, повышающих их активность. Это, как правило, более образованные люди, имеющие более широкий круг не только материальных, но и духовных, культурных потребностей. В их среде формируется достаточно многочисленный слой людей не только высокообразованных, но и способных формулировать и отстаивать свои требования, хотя при этом не принадлежащих к элитным группировкам. И этот слой в определенных условиях способен стать катализатором массового давления “снизу” на элитные группировки, превратиться в активного субъекта, инициирующего процессы глубоких преобразований в стране, заставляющего элиты отказываться от собственных привилегий. Тем более, что у Норта и его коллег под элитами понимаются, по сути, властные элиты, то есть группы, имеющие в своих руках инструменты насилия, способные навязывать свою волю и общество в целом, и группировкам, не обладающим подобным ресурсом (или в недостаточной степени обладающим им), но претендующим на свою долю в разделе рентных доходов.

⁷ Такой путь медленного “выращивания” зачатков новых порядков фиксируется рядом исследователей современной ситуации в России. Об эволюции отношений в бизнесе как свидетельстве формирования зрелых порядков ограниченного доступа пишет А. Яковлев [Яковлев, 2012⁶; 2013], роль бизнес-ассоциаций в этом процессе исследует А. Зудин [Зудин, 2013^а; 2013^б].

Представляется, что в современных условиях было бы упрощением говорить о том, что социальное и политическое давление “снизу” лишь отражает процессы, идущие в элитных группировках, а потому корни этих процессов надо искать во внутриэлитной борьбе. Политическая воля к началу реформ, отмечают И. Бусыгина и М. Филиппов, – не личностный, а *институциональный момент*. Это – зависимая переменная, “объясняемая целой комбинацией факторов – угроз и опасностей, институциональных ограничений и возможностей, которые имеет элита... такой подход к пониманию политической воли критически важен для России, где разговоры о ней чрезвычайно популярны, но обычно сводятся исключительно к характеристикам личностных качеств того или иного политика” [Бусыгина, Филиппов, 2012, с. 64]. Если с таких позиций подходить к желанию элит начать/продолжать реформы или “замораживать” ситуацию, то нельзя не признать, что процессы в “низах” и в “верхах” взаимообусловлены, и низовой протест вполне может обрести самодовлеющий характер, не связанный с клановой борьбой властных группировок. Однако, если мы ставим в качестве основной цели низовых протестов задачу смены порядков ограниченного доступа естественного государства (или, в более близкой мне терминологии, системы “власти-собственности”) на порядки открытого доступа современного развитого государства, то необходим анализ того, каков должен быть характер этого массового протеста, чтобы способствовать такому переходу.

Ведь история полна примеров того, как вознесенные на волне революционных событий вожди возмущившихся масс быстро осваивались в новом для себя положении властной элиты и воспроизводили, пусть и в несколько измененной внешне форме, те же порядки ограниченного доступа (на этом аспекте темы особо акцентируют внимание Норт и его коллеги, подчеркивая, что для них важно качество перехода от одних порядков к другим). В то же время наиболее социально активные слои современного общества, имеющие в условиях глобализации и информационной открытости перед глазами успешные государства, которые живут в условиях порядков открытого доступа, вполне могут стать катализаторами перемен.

На то, что анализ Норта–Уоллиса–Вайнгаста должен быть дополнен фактором вовлечения общества в процессы качественного перехода от одних порядков к другим, уже указывали некоторые исследователи. Так, Л. Полищук отмечал: имеются признаки того, что российское гражданское общество способно сыграть более активную роль в процессе институциональных сдвигов [Полищук, 2012]. А турецкие ученые, изучавшие ситуацию в своей стране, отмечают нарастающее влияние на современное развитие различных форм низовой самоорганизации, создающей более сложную картину связей как между правящими группами и группами, не входящими в правящую коалицию, так и внутри групп, не включенных в последнюю. Это оказывается для данных ученых “точкой отступления” от попытки Норта–Уоллиса–Вайнгаста анализировать эволюцию социальных порядков, опираясь лишь на динамику элит. Турецкий опыт позволяет утверждать, что существует выбор между “организацией формальных и неформальных политических сделок вокруг формальных структур и интеграцией неформальных организаций сетей, которые включают общество в политическую систему” [Адаман, Акарчай-Гурбуз, Караман, 2012].

К. Рогова, размышляющего о выходе России из сложившегося к 2010-м гг. состояния, которое рассматривается им как переходное, тоже не удовлетворяет ограничение поисков изучением межэлитных отношений. Он пытается наложить на политические реалии экономический инструментарий, что, по его мнению, открывает путь к анализу более сложных отношений между “спросом” (общественной поддержкой) и “предложением” (типом политического режима). При таком подходе внимание концентрируется не только на конкуренции элит, но и на динамике общественного мнения. “При этом политическая динамика выглядит не как результат прямого влияния изменений общественных запросов, но как результат влияния этих изменений на стратегии элит и складывающиеся в результате принципы их взаимодействия” [Рогов, 2012, с. 7–8]. С точки зрения Рогова, «накапливающиеся несоответствия спроса (ожиданий) и предло-

жения находят в какой-то момент канал для трансляции напряжений от одного уровня политической системы к другому (...снижение уровня поддержки идеологием и ценностей режима “перекидывается” на оценку его качества и институтов, а затем и лидеров)» [Рогов, 2012, с. 27].

В целом соглашаясь с идеей о важности давления общества на властвующую элиту, все же нельзя не признать: для того, чтобы это давление стало если не решающим, то по крайней мере весьма существенным компонентом, предопределяющим движение общества от состояния естественного государства, или системы “власти-собственности”, к “зрелому государству”, это давление также должно обрести особое качество, выходящее за рамки, например, общедемократических требований. Ибо мы знаем немало примеров того, как в современном мире демократические по форме, но псевдодемократические по своей сути режимы вполне успешно встроены в общую конструкцию системы “власти-собственности”, подчинены принципам порядков ограниченного доступа.

Поэтому, если мы принимаем возможность варианта перехода к порядкам открытого доступа, связанного с серьезным давлением на элиты со стороны общества, которое заставляет элиты принять пороговые условия, сформулированные Нортон и его коллегами, то логично предположить, что и качество требований, выдвигаемых обществом, должно быть особым. То есть чтобы такое давление привело не просто к перестановкам в элитных группировках или даже к полной смене их, при этом не затрагивающим глубинные порядки, необходимо, чтобы и само общество было готово к качественным переменам. Необходимо, чтобы выдвигаемые “снизу” требования работали бы на установление порядков открытого доступа, демонтажа системы “власти-собственности”.

Таким образом, если предположить, что концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста должна быть дополнена компонентом влияния на властные элиты “снизу”, то и к зрелости самого общества должны быть предъявлены определенные требования. Тогда надо рассуждать об условиях, необходимых для перехода в новое качественное состояние не только для властных элит, но и *об особых пороговых условиях для всего общества*. Эти пороговые условия должны фиксировать тот уровень его развития, который позволяет выдвигать требования реального демонтажа старых порядков и перехода к порядкам открытого доступа. Но об этом в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаман Ф., Акарчай-Гурбуз А., Караман К. Институты, власть и рост в долгосрочном периоде: пример политической экономии Турции //Международный симпозиум “Институты, Развитие и Группы Интересов. М., 22–24 мая 2012.

Асемоглу Д., Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии. М., 2011.

Бусыгина И., Филитов М. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М., 2012.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.

Дилigenский Г.Г. Российские архетипы и современность // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.

Зудин А.Ю. Бизнес и государство в России: опыт применения подхода Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 1. Этапы развития российских бизнес-ассоциаций // Общественные науки и современность. 2013^а. № 2.

Зудин А.Ю. Государство и бизнес в России: опыт применения концепции Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 2. Тенденции развития отношений между государством и бизнесом // Общественные науки и современность. 2013^б. № 3.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011.

- Макаренко Б.* Рамки развития политической системы. Опыт применения теорий сравнительной политологии к анализу российской специфики // Pro et contra. 2012. № 4–5.
- Макашева Н.А., Якобсон Л.И.* Распределительные коалиции в постсоциалистической России // Общественные науки и современность. 1996. № 1.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Норт Д., Уоллис Д., Уэбб С., Вайнгаст Б.* В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М., 2012.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001–2010). М., 2011.
- Олсон М.* Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.
- Плискевич Н.М.* “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы // Мир России. 2006. № 3.
- Плискевич Н.М.* “Третий путь”, которым мы уже прошли // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
- Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократия и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
- Полицук Л.* Элиты и общество в трансформации российских институтов: групповой выбор и общественный интерес // Международный симпозиум “Институты, Развитие и Группы Интересов”. М., 22–24 мая 2012.
- Рогов К.* Политические циклы постсоветского транзита // Pro et contra. 2012. № 4–5.
- Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6.
- Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000–2007. М., 2008.
- Яковлев А.А.* В поисках новой социальной базы, или Почему российская власть меняет отношение к бизнесу // Общественные науки и современность. 2013. № 2.
- Яковлев А.* Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? // Вопросы экономики. 2012^б. № 11.
- Яковлев А.А.* Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России. 2012^а. № 4.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* Economic Origins of Dictatorship and Democracy. New York, 2006.
- Eisenstadt S.* Modernization: Protest and Change. New York, 1966.
- Olson M.* Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. Oxford, 2000.
- Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* Violence and Social Orders: a Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. New York, 2009.